

Портрет

Герард КИМЕКЛИС

Что касается Валерия Кулешова, Москва помнит триумфальные выступления молодого артиста в прошлые годы. В самых престижных концертных залах столицы — от консерваторского Большого до Колонного. Мало кого оставляли равнодушным неистовая и легчайшая виртуозность музыканта, его поистине экзотическая погруженность в звуковую стихию, романтическая увлеченность, далекая от рационально-аскетического выкладки современного пианизма. Исполнение им ряда произведений, в частности таких, как "Кампанелла" Листа или Фантазия на темы оперы "Кармен" Бизе — Горовица, просто ошеломляли.

В последние годы Кулешов почти перестал появляться на концертных подмостках Москвы. Но вот вдруг в середине сезона состоялся его концерт в Зале Чайковского. В программе были изблюбленные его авторы: Скарлатти, Шуман, Лист и неожиданно Скрябин, которого раньше он никогда не играл. По крайней мере, перед публикой.

Безумно интересно и поучительно слушать кумиров после перерыва. Что было. И что стало. У кого — взлет. У кого — откат. На месте никто не стоит, потому что топтаться — значит пятиться назад.

Кулешов играть хуже не стал, по крайней мере с позиций профессионализма. Но улетучилось что-то очень самоценное, важное, в силу чего музыка становится откровением и неотразимо вовлекает слушателя в процесс сотворчества, сопереживания, соучастия. Романтически взволнованная и обжигающе исповедальная "Крейслериана" Шумана в интерпретации артиста граничила порой с эмоциональной скороговоркой, круговертью чувств и образов, в которых иногда тонула смысловая и формообразующая суть музыкального повествования. Четыре сонаты Скарлатти были сыграны мастерски, но, увы, рафинированная изысканность и благородная уравновешенность старинной музыки здесь понесли определенные потери.

Обращение к Скрябину говорит не только о расширении репертуарных интересов пианиста, но и о поисках новых, утонченных средств выражения своего мировосприятия. Другое дело, что в прозвучавших в концерте пятнадцати прелюдиях из разных опусов композитора, исполнителю недоставало концентрации душевных и интеллектуальных сил, вне которых музыки, устремленной к высшим сферам человеческого духа, просто не существует.

Правда, несколько раздосадованная на этот раз аудитория была с лихвой вознаграждена поистине феноменальным исполнением почти забытого парфраз Листа "Воспоминания о "Норме" Беллини", где безраздельно торжествовали театральные пафос и стихийная виртуозность; еще — Фантазией на темы оперы "Кармен" Бизе — Горовица, ставшей с некоторых пор визитной карточкой пианиста.

Если поэт предупреждал: "Не требуй песен от певца", то и нам не пристало судить артиста слишком строго. Возможно, недоспал. Возможно, поспорил с домочадцами. Или, скажем,

Кулешов? Что-то я песен ваших не слышал!

Громкие имена обрастают легендами. Так случилось и с Валерием Кулешовым. Лауреатом международных конкурсов, пианистом. Ярким и известным. Говорили, что он учит детей в музыкальной школе где-то в Подмоскovie. Что сам не желает ни у кого учиться. И к советам не прислушивается. Что готов заниматься на рояле чуть не по 24 часа в сутки. (Правда, неясно, откуда он берет хотя бы часа два-три для сна?). Что ... Перечень слухов можно было бы продолжать до бесконечности. Люди склонны к ним, особенно, если объект превышает средний, обывательский уровень.

схватил простуду (так оно и было). Художник — тоже человек, только с еще более обостренной и ранимой психикой, чем у нас, грешных. И потому имеет право сегодня играть слабее, а завтра — лучше. Хотелось бы верить, что сомнительные тенденции в исполнительстве Кулешова временны, переходящи, что его самобытная личность выстоит, найдя в себе силы противостоять самообольщениям, истоки которых — то ли в неуступчивой молодости, восставшей против заветов отцов, то ли в западной абсолютизации формальных признаков искусства за счет его содержания.

...По окончании концерта я встретился в артистической с пианистом. Передо мной сидел усталый, застенчивый, казалось, не вполне уверенный в себе человек, что никоим образом не вязалось с его волевой и

мощной манерой игры. Шея его была обвязана теплым шерстяным платком, глаза смотрели печально. Очевидно, на физическое недомогание наслаивалась неудовлетворенность собой. Здесь же суежилась его жена Катя, милая молодая женщина и властный ангел-хранитель своего знаменитого супруга. Решительным жестом отстранив от входа в артистическую замешкавшихся поклонников маэстро, она впустила меня и тотчас заперла дверь.

— Валерий, в последние годы вы почти перестали концерттировать в Москве. Что с вами? И где все это время вы были?

— В 87-м году я принял участие в Международном конкурсе имени Бузони в Больцано, в Италии. Получил вторую премию. После этого много гастролировал по всему миру. Полтора

года назад решил попробовать силы на Конкурсе имени Вэна Клайберна в Форто-Сити, в Америке. Там тоже занял второе место. Вдобавок получил премию за лучшее исполнение музыки американского композитора Мортон Гулда. Когда концерттировал в Австралии, мне прислали ноты его "Призрака вальса". Отчасти джазовое сочинение, головокружительно виртуозное. Благодаря конкурсу получил много приглашений на концерты в Америке.

— Имеете их и сейчас?

— Да. 31 октября, например, состоится мой дебют в "Карнеги-Холл".

— И как принимает вас таможня публика?

— Очень хорошо. Меня просто потрясло, что в прагматической Америке идеалиста Скрябина принимали с восторгом. Даже в маленьких городах.

— А чем он вас увлек? Раньше вы ведь его не играли.

— Нравится. Это как наркотик — втянулся.

— У меня создалось впечатление, что сегодня ваш концерт прошел в несколько формальном ключе. Я не ощутил полноты восприятия музыки. Некоторые темпы показались мне завышенными и вступали в противоречие со "сверхзадачей" исполнителя — выразить содержание произведения.

— У меня температура. Рояль к тому же с тусклым звуком в среднем регистре. Боялся, что руки не выдержат нагрузки. А вообще важно послушать себя со стороны, в записи. Иногда кажется, что играл прекрасно, а послушаю — прихожу в ужас. Приходится срочно все исправлять.

— Говорят, что Владимир Горовиц, услышав вас, загорелся желанием позаниматься с вами. Другими словами — оказать честь, которой он редко кого удостоивал.

— Было немножко не так. В 87-м году на конкурсе в Италии продюсер грамзаписей Горовица Томас Фрост записывал выступления участников. А я играл там две транскрипции Горовица — Девятнадцатую рапсодию Листа и "Свадебный марш" Мендельсона. Запись эту Фрост показал Горовицу. Владимир Самойлович написал отклик — в виде письма — и передал его мне с Николаем Петровым, когда тот гастролировал в Америке. Нет, тогда он меня не приглашал. В 89-м я записывал свою первую пластинку на совместной русско-американской фирме "Искусство Электроника", и она пригласила меня на презентацию в Штаты. На концерте, который я там дал, присутствовал Фрост. Спустя день или два, в субботу, он повез меня к Горовицу домой. Владимир Самойлович и Ванда Тосканини встретили нас. Выяснилось, что меня здесь знают, слышали мою расшифровку транскрипций хозяина дома. "Вот стоит рояль, можете поиграть", — предложил он.

— Рояль тот самый, который Горовиц привозил с собой в Москву?

— Нет, другой. Новый "Стейнвей". Именно он и звучит на всех последних пластинках, записанных уже после концертов в России. Я сыграл несколько пьес из Шумановского "Карнавала" и две обработки Горовица — "Кармен" и "Свадебный марш". Он удивился: "Как это вам удается, вы же не атлет?". А у него самого действительно довольно широкие плечи. Добавил, что я все сделал очень правильно, лучше, чем другие пианисты. Затем протянул мне какие-то ноты со словами: "Я никогда не записывал это, все смотрели на мои руки и расшифровывали сами". Сел за рояль и тоже сыграл "Кармен". Я листал ему ноты. Они были очень старые, со множеством версий. Одну из них я вынул. Но на концертах исполняю другую. Прямо с манускрипта Горовица, ноты которого мне подарили. В 57-м году Владимир

Самойлович делал экспериментальную запись этой версии. Пока он играл, звукорежиссер без спроса снял ее копию. Запись версии Горовица забраковал. А я ее играю.

— В этот раз он и пригласил вас заниматься?

— Да. Сказал, что хочет мне показать, как делать краски. Подчеркнул: "Это — основное, и я могу этому научить". Предложил мне остаться и поработать с ним три-четыре месяца. Было 6 августа 89-го года. А на следующий день я уезжал. Уроки Горовица собирался давать бесплатно. Однако, чтобы жить, надо было иметь деньги, а у меня их не было, как и инструмента для занятий. К тому же надо было оформлять визу. В общем, пришлось уехать. Но еще на конкурсе в Италии одна женщина, меценат, присудила мне свою Золотую медаль. Вот она-то спускает какое-то время и помогла мне найти жилье и дала денег. Уже когда мы с Катей заказывали такси в аэропорт, чтобы улететь в Америку, пришел один за другим два факса. С просьбой поездку отложить. Происходило это 4 или 5 ноября. На следующее утро по радио сообщили, что Горовиц умер.

— Заниматься у Владимира Самойловича вам была не судьба. Но вам повезло на других учителей, воспитанником которых вы являетесь...

— К счастью, да. В первую очередь, это Елена Петровна Ховен. У нее я занимался в ЦМШ. Дальше — Башкиров Дмитрий Александрович и Тропп Владимир Эммануилович. Думаю о них всегда с чувством глубокого уважения и благодарности.

— Многие наши знаменитости, разочаровавшись в России, покидают ее навсегда. Не собираетесь ли и вы последовать этому примеру?

— Не собираюсь. Здесь у меня мама. Оставить ее не могу. Она на пенсии. Кстати, став пенсионером, она начала рисовать. У нее уже была выставка — в Твери. Вообще об отъезде не думал. Хотя в Америке заниматься намного лучше. И состояние намного лучше. Не знаю, что здесь мешает, — то ли еда, то ли условия такие, потому что вот так заниматься фортепианной игрой с соседями под боком... Нет, сейчас не стучат. Потому что я играю только до девяти, после — ни одной минуты, у нас договоренность. Квартира — на восьмом этаже. Раньше участников вызывали постоянно. Даже если играл не позже девяти. Входит: "Кто такой? Почему шум?". Объясняю: "Это моя профессия. Работаю. Я — пианист". Он: "А какие песни написал? Что-то я их не слышал".

— Вопрос "на засыпку". В заграничных музыкальных школах преподавали?

— Никогда. А вот мастер-классы проводил — в Австралии, в Америке.

На том и расстались. До следующего концерта в Москве. Потому что слушать Кулешова всегда интересно. Даже если и предьявляешь к нему претензии.